

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2023.12002

EDN: CZLBHB

Повесть О. И. Сенковского «Смерть Шанфария»: перевод, пересказ или стилизация?

А. А. Садыхова

*Университет им. А. Мицкевича в Познани
(г. Познань, Республика Польша)*

e-mail: sadykhova.arzu@yandex.ru

Аннотация. Среди обширного литературного наследия Осипа Ивановича Сенковского (1800–1858), одного из основоположников академической арабистики и тюркологии в Российской империи, есть «Восточные повести», изданные в период 1823–1830 гг., которые стали его первым опытом в русской литературе в качестве переводчика и писателя. В этих произведениях отчетливо видна эволюция его писательской манеры: от точных литературных переводов оригинального арабского текста на русский язык — через пересказы — к вольной обработке и даже стилизации. Цель данной статьи заключается в том, чтобы выяснить, как именно и в какой степени автор использовал арабские источники для создания одного из произведений упомянутого «восточного» цикла — «Смерть Шанфария», чтобы определить, является ли эта повесть переводом, пересказом или стилизацией. Ее сравнительный анализ с подлинным арабским материалом продемонстрировал конкретные способы, при помощи которых Сенковский создал данную романтическую повесть: это художественный перевод фрагментов поэмы доисламского автора, пересказ арабской легенды, историческая реконструкция событий, подражание и стилизация, в которой успешно воспроизведено жанровое и национальное своеобразие арабской классической литературы средствами русского языка. Таким образом, «Смерть Шанфария» следует отнести к разряду профессиональной стилизации с элементами художественного перевода, пересказа оригинальных источников и подражанием повествовательной манере древних арабских поэтов. Но даже в этой стилизации Сенковского отчетливо просматриваются источники арабского происхождения. Именно совокупность таких способов позволила автору легко и непринужденно знакомить русского читателя с доисламской арабской литературой, весьма трудной для восприятия неподготовленной аудиторией.

Ключевые слова: О. И. Сенковский, русский ориентализм, романтизм, Смерть Шанфария, доисламская арабская поэзия, аш-Шанфара, стилизация, перевод, пересказ, жанр

Для цитирования: Садыхова А. А. Повесть О. И. Сенковского «Смерть Шанфария»: перевод, пересказ или стилизация? // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21. № 1. С. 56–90. DOI: 10.15393/j9.art.2023.12002. EDN: CZLBHB

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2023.12002

EDN: CZLBHB

The Story “Šanfari’s Death” by Józef Julian Sękowski: Translation, Retelling or Stylization?

Arzu A. Sadykhova

*Adam Mickiewicz University in Poznań
(Poznań, Republic of Poland)*

e-mail: sadykhova.arzu@yandex.ru

Abstract. Within the vast literary legacy of Józef Julian Sękowski (1800–1858), who was also the founder of academic Arabic and Turkic studies in Imperial Russia, there are “Oriental Stories,” published between 1823 and 1830, which were his earliest experience in Russian literature as a translator and a writer. These stories clearly demonstrate the evolution of his writing style: from precise literary translations of original Arabic texts into Russian through retelling to free rendering and even stylizations. The aim of this article is to reveal how exactly and to what extent the author used the Arabic sources, while creating one work from the above-mentioned “oriental” cycle — “Šanfari’s Death” — in order to find out whether this story is a translation, retelling or stylization. The comparative analysis of this story with the authentic Arabic material revealed the specific methods that Senkovsky used to create this romantic story, namely, a literary translation of poetic excerpts from a poem by a pre-Islamic poet, a retelling of Arabic legend, a historical reconstruction of events, an imitation and a stylization that successfully renders the genre and national peculiarities of the Arabic classical literature through Russian language. Thus, “Šanfari’s Death” should be classified as a professional stylization that contains elements of literary translation and imitation of narrative style of the ancient Arab poets. Nevertheless, the original Arabic sources are clearly visible even in the stylization. It is this combination of methods that permitted Sękowski to introduce pre-Islamic Arabic literature to the Russian readers in a rather casual manner, despite the difficulty it presents for an unprepared audience.

Keywords: Józef Julian Sękowski, Russian Orientalism, Romanticism, Šanfari’s Death, pre-Islamic Arabic poetry, aš-Šanfarā, stylization, translation, retelling, genre

For citation: Sadykhova A. A. The Story “Şanfarî’s Death” by Józef Julian Sękowski: Translation, Retelling or Stylization? In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2023, vol. 21, no. 1, pp. 56–90. DOI: 10.15393/j9.art.2023.12002. EDN: CZLBHB (In Russ.)

1. Введение

Осип Иванович Сенковский (Józef Julian Sękowski, 1800–1858), российский ученый, писатель и журналист польского происхождения, вошел в русскую словесность не только как создатель литературных произведений разных жанров, ставших классическими, но и как автор, внесший значительный вклад в развитие русского романтического ориентализма. Круг исследований об этом человеке и его творчестве настолько широк и многообразен, что только для обзора самых значительных трудов понадобилась бы специальная довольно большая статья¹. Важной заслугой Сенковского является то, что он предвосхитил идеи Эдварда Саида (см.: [Serikoff]) и придал струе европейского ориентализма профессиональный характер. В произведениях Сенковского впервые в русской литературе был представлен не условно-иллюзорный образ Востока, а настоящий, подлинный и живой. В этой связи особенно важно выяснить, как именно востоковед знакомил русского читателя с богатой арабской культурой, какие способы и средства он использовал для воссоздания на русском языке национального и жанрового своеобразия арабской классической литературы. Ответ на поставленные вопросы сможет дать исследование поэтики «Восточных повестей и поэм» Сенковского, опубликованных в период 1823–1830 гг. Настоящая статья является первым шагом в этом направлении, в ней представлен анализ одной из повестей указанного цикла — «Смерть Шанфария» (1828).

¹ По объективным причинам здесь не представляется возможным даже перечислить всю существующую на сегодняшний день литературу на разных языках об этом писателе и его творчестве, однако необходимо упомянуть ключевые публикации: монографии Л. Педротти [Pedrotti], в которой подробно рассматривается становление литературной карьеры Сенковского, В. А. Каверина [Каверин] и Д. Амброзяк [Ambroziak], посвященные деятельности Сенковского-журналиста.

Хорошо известно, что Сенковский по своему основному роду занятий был ученым-востоковедом, самым молодым профессором в Европе, возглавившим кафедру арабской словесности Санкт-Петербургского императорского университета в возрасте 22 лет и бывшим ее бессменным заведующим с 1822 по 1847 г.² Однако многогранная деятельность Сенковского выходила далеко за рамки сугубо научно-педагогической работы университетского профессора. Его истинным страстием все же оказалась литературная деятельность, включая журналистику и издательское дело, поэтому вполне естественно, что свои глубокие знания живого Востока ученый использовал и в этой сфере: «Основной результат его деятельности сказался, главным образом, в усилении 'ориентализма' в русской литературе...» [Крачковский, 1950: 107]. В отдельных исследованиях также отмечается, что роль этого автора «в развитии русской литературы не раскрыта еще в полной мере» [Данильченко: 109].

Вернувшись в октябре 1821 г. из двухлетнего путешествия по Востоку, Сенковский мгновенно уловил острую потребность российского общества в новых мотивах, сюжетах и образах и сразу же осознал, что перед ним открываются широкие перспективы представить русскому читателю подлинный восточный материал. К тому же в начале XIX в. жанр философско-назидательной «восточной» повести, до этого развивавшийся в рамках классицизма, находился в состоянии упадка: «...повести начала XIX века <...> были далеки от передовых запросов времени. Они или повторяли старое, или говорили о новом несмело и негромко. <...> Новое время требовало новых форм» [Кубачева: 314]. Понятно, что в таких условиях потенциал, которым располагал молодой, талантливый и амбициозный востоковед, таил большие возможности. Обстоятельства способствовали начинающему автору: в Петербурге он довольно быстро познакомился с известными русскими литераторами, в том числе с декабристами-романтиками А. А. Бестужевым (Марлинским) (1797–1837) и К. Ф. Рылеевым (1795–1826), которые с 1822 по 1825 г. издавали альманах «Полярная звезда». «Для истории русской романтической

² Одновременно Сенковский вел там же преподавание турецкого языка и в 1839 г. добился учреждения кафедры тюркской филологии.

повести Бестужев-Марлинский — фигура первостепенно важная и характерная. Своими исканиями, бесспорными достижениями и даже ошибками он многим указал дорогу в литературе» [Сахаров: 11], именно он, будучи «творцом или, лучше сказать, зачинщиком русской повести» [Белинский: 272], помог молодому Сенковскому найти свой писательский стиль и свою форму «восточной» повести.

Востоковед Павел Савельев сообщает о близкой дружбе молодого ученого с А. А. Бестужевым (Марлинским), который редактировал ранние переводы Сенковского³. Их сотрудничество оказалось настолько плодотворным, что уже 8 февраля 1824 г. А. С. Пушкин в письме А. А. Бестужеву высоко оценил вторую повесть Сенковского «Витязь буланого коня»⁴.

2. «Смерть Шанфария» в цикле «Восточных повестей и поэм»

В состав цикла «повестей и поэм, переведенных с восточных языков»⁵, опубликованных в разных журналах и альманахах в период с 1823 по 1830 г., входят восемь произведений: «Бедуин» (с араб., «Полярная звезда», 1823), «Витязь буланого коня» (арабская касыда⁶, с араб., «Полярная звезда», 1824), «Деревянная красавица» (с татар.-азерб. наречия, «Полярная звезда», 1825), «Истинное великодушие» (с араб., «Полярная звезда», 1825), «Урок неблагодарным» (с персид., «Полярная звезда», 1825), «Бедуинка» (с араб., «Северные цветы», 1828),

³ См.: Савельев П. С. О жизни и трудах О. И. Сенковского // [Сенковский О. И.] Собр. соч. Сенковского (Барона Брамбеуса). СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1858. Т. 1. С. XXXVI. Известно, что русский язык не был родным для поляка Юзефа Юлиана Сенковского, поэтому в начале своей литературной карьеры он был вынужден прибегать к услугам редактора, и блестящий литератор А. А. Бестужев (Марлинский), которого Сенковский в свою очередь обучал польскому, оказался идеальным наставником для начинающего писателя и переводчика.

⁴ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. М.: Наука, 1965. Т. 10: Письма (1815–1837). С. 82.

⁵ См.: [Сенковский О. И.] Собр. соч. Т. 1. С. V–VI.

⁶ *Касыда* — арабский поэтический термин; означает «большая поэма». Данная повесть не имеет ничего общего с арабской *касыдой* как поэтической формой; скорее всего, Сенковский использовал этот термин для того, чтобы придать повести больше экзотики.

«Смерть Шанфария» (с араб., «Альбом северных муз», 1828) и «Вор» (с араб., «Северные цветы», 1830). К этому циклу повестей примыкает также прозаический перевод поэмы Лебиды (560–661), опубликованный в 1838 г. в качестве иллюстративного приложения к научной статье «Поэзия пустыни, или Поэзия Аравитян до Магомета» («Библиотека для чтения», 1838, т. XXXI). Популярная повесть «Антар» («Новоселье», ч. 1, 1833) в этот цикл не вошла, так как, по замечанию издателя, «эта повесть не перевод с арабского и не заимствована из известного арабского романа "Антар", а оригинальное создание в духе арабской поэзии»⁷. По той же причине не вошли в этот цикл историческая повесть «Счастливец»⁸, основанная на восточных мотивах («Новоселье», ч. 2, 1834), и «Повесть» («Библиотека для чтения», 1834, т. VII). Отметим, что ни одна из трех последних повестей не имеет примечания «с арабского» в отличие от остальных. Следовательно, издатель и, вероятно, сам автор четко осознавали разницу между переведенными произведениями и собственно стилизациями, то есть «оригинальными созданиями в духе арабской поэзии». Именно поэтому издатель отграничил три последние повести и не включил их в «восточный» цикл произведений, переведенных (или пересказанных) с восточных языков. Как можно заметить, «Смерть Шанфария» поместили в группу переводов.

«Восточные повести» Сенковского привлекли внимание И. Ю. Крачковского, которому в 1946 г. удалось установить арабские источники для всех произведений этого цикла, кроме обсуждаемого. На основании проведенного сравнительного анализа исследователь пришел к такому заключению: «Если в первых по времени повестях Сенковский еще несколько придерживается арабского оригинала, то постепенно он отходит от него дальше и дальше, создавая на взятой канве

⁷ См.: [Сенковский О. И.] Собр. соч. Т. 1. С. 321.

⁸ Хотя эта повесть является вариацией на довольно распространенный сюжет, сам Сенковский отнес данное произведение к поджанру исторической повести, потому что ее главными героями являются реальные исторические лица — аббасидский халиф Гарун ар-Рашид (763–809) и его визирь Джафар аль-Бармаки (767–803); повесть наполнена историческими реалиями и восточным колоритом, позволяющими «погрузить» читателя в обстановку арабского халифата конца VIII — начала IX в.

уже свои собственные рисунки. Последовательная эволюция выступает очень отчетливо при рассмотрении этих повестей в хронологическом порядке их появления» [Крачковский, 1955: 236]. Оценивая «Смерть Шанфария», ученый констатировал, что «переводом считать ее никак нельзя и устанавливать текстуальную зависимость от арабских оригиналов нет необходимости» [Крачковский, 1955: 243]. Данной повести исследователь уделил лишь один небольшой абзац в своей работе, указав на возможные источники, из которых Сенковский черпал материал: это знаменитая литературная антология «Книга песен»⁹, составленная известным филологом Абу-ль-Фараджем аль-Исфахани (ум. 967), свод преданий о межплеменных войнах «Дни арабов», а также второе издание арабской хрестоматии французского лингвиста и ориенталиста барона Сильвестра де Саси (1758–1838) (см.: [Sacy, 1826: 134–142, 337–403]), в которое вошла *касыда* поэта аш-Шанфары (ум. ок. 550)¹⁰, прототипа главного героя повести, с краткой информацией о нем. С этой точкой зрения соглашается другой исследователь, указывая однако на иной источник повести и на наличие в ней фрагментов перевода: «Переводческое своеволие "барона Брамбеуса" прогрессирует от рассказа к рассказу, принимая уже значительные размеры в "Смерти Шанфария", где подлинным материалом является точно переведенная *касыда* "Лямият-араб"¹¹, составляющая незначительную часть повествования, а все остальное — романтическая фантазия Сенковского на тему немногих фактов из жизни поэта...» [Дердиров: 39–40].

Безусловно, с этими выводами И. Ю. Крачковского и М. Ф. Дердирова следует согласиться, но почему же тогда «Смерть

⁹ См.: Аль-Исфахани Абу-ль-Фарадж. Книга песен / пер. с араб. А. Б. Халидова и Б. Я. Шидфар. М.: Наука (Глав. редакция восточ. лит-ры), 1980. 671 с. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Аль-Исфахани* и указанием страницы в круглых скобках.

¹⁰ При передаче арабских имен и названий сочинений на русском языке для удобства читателя использована транслитерация; на английском языке арабские имена и названия сочинений переданы в научной транскрипции ISO.

¹¹ Имеется в виду поэма аш-Шанфары, см. примеч. 12.

Шанфария» имеет примечание «с арабского» и помещена издателем в группу переводов? Представляется, что исследование поэтики данной повести, а в особенности авторского стиля, ответит и на этот вопрос.

3. От арабской традиции к романтической «восточной» повести

Арабский материал

Прототипом главного героя повести Сенковского является доисламский поэт Сабит ибн Авас из племени аль-Азд по прозвищу аш-Шанфара, то есть «губастый», чье историческое существование сегодня уже не вызывает сомнений (см.: [Jacob, 1914, 1915], [Stetkevych: 361–365], [Arazi: 301], [Gelder]). *Касыду* этого поэта, известную под названием «Ламиййат аль-‘араб»¹², длиной в 68 *бейтов*¹³, выдержанную в размере *тавыль*¹⁴, а также краткие сведения о нем, почерпнутые из арабских источников, впервые в Европе опубликовал Сильвестр де Саси в арабской хрестоматии в 1806 г. (см.: [Sacy, 1806a: 310–321], [Sacy, 1806b: 1–41]), а затем и во втором ее издании 1826 г. (см.: [Sacy, 1826: 134–142, 337–403]). Оба выпуска хрестоматии содержали арабский текст поэмы и научный перевод на французский язык с подробными комментариями.

Разночтения в прозвище (аш-Шанфара и Шанфарий) объясняются отсутствием определенного артикля во втором случае и двумя вариантами прочтения конечной буквы «йа»: либо как долгий звук «и» при наличии двух точек под ней, либо как долгий «а» при отсутствии двух точек под буквой. В первом издании хрестоматии прозвище поэта было напечатано как «аш-Шанфари» с двумя точками под буквой «йа» (см.: [Sacy, 1806b: 10]); однако во втором издании после сопоставления

¹² «Ламиййат аль-‘араб», т. е. арабская *касыда* с рифмой на «л» — самое известное и самое крупное произведение аш-Шанфары из дошедших до нашего времени. Проблема подлинности этой поэмы и ее авторства в настоящее время решена положительно.

¹³ *Бейт* (т. е. «дом») — арабский поэтический термин, означает стихотворную строку как минимальную единицу поэтического произведения, выражающую законченную мысль.

¹⁴ *Тавыль* (т. е. «длинный») — один из 16 размеров *аруда* — классической арабской системы стихосложения.

текстов нескольких рукописей ученый напечатал имя поэта уже без точек под последней буквой, то есть как «аш-Шанфара», сопроводив данное уточнение подробным комментарием (см.: [Sacy, 1826: 345]). Тем не менее, Сенковский посчитал правильным первый вариант прозвища «аш-Шанфари»: так, в повести «Антар», написанной в 1832 г., упоминается «поэт и герой пустыни» Шанфари¹⁵, а в статье «Поэзия пустыни, или Поэзия Аравитян до Магомета», опубликованной в 1838 г., ученый снова воспроизвел прозвище поэта как «Шанфари»¹⁶.

Согласно сведениям, представленным Сильвестром де Саси в хрестоматии, аш-Шанфара по неизвестной причине разорвал отношения со своим племенем, стал бродяжничать по пустыне и нападать на стоянки бедуинов. Он бегал так быстро, что даже всадник верхом на лошади не мог его догнать. Однажды аш-Шанфара поклялся убить сто человек из племени Саламан. Когда он настигал какого-либо мужчину из этого племени, то всякий раз окликал свою жертву, предупреждая: «Эй, я попаду тебе в глаз!» — и пускал стрелу прямо в глаз бедняге. Так он прикончил 99 своих врагов, пока мужчины из племени Саламан не схватили аш-Шанфару и не убили его. Как-то раз один из них проходил мимо валявшегося на дороге черепа несчастного поэта; обозлившись, мужчина в сердцах пнул ногой череп аш-Шанфары, при этом острый осколок кости вонзился ему в ногу, и саламанит умер. Так поэт «убил» своего врага после своей смерти, и его клятва исполнилась (см.: [Sacy, 1806a: 310–311]).

Более подробно биография аш-Шанфары представлена в самом авторитетном и полном источнике — «Книге песен». В этой литературной антологии говорится, что он был поэтом-изгоем, который скитался по пустыне и промышлял грабежами (см.: [Al-Iṣḫānī: 128–139]). Рассказывается также, что поэт в течение долгого времени был рабом у племени Саламан; а когда возмужал, то сбежал от своих хозяев, поклявшись убить сотню своих обидчиков в отместку за унижения. Аш-Шанфара стал убивать саламанитов, и никто из них не мог

¹⁵ См.: [Сенковский О. И.] Собр. соч. Т. 1. С. 331.

¹⁶ См.: Сенковский О. И. Поэзия пустыни, или Поэзия Аравитян до Магомета // Там же. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1859. Т. 7. С. 178.

его одолеть. После того, как поэт убил 99 человек, мужчины из племени Саламан устроили засаду, поймали своего заклятого врага и жестоко расправились с ним:

«Когда аш-Шанфара был убит, голову его бросили при дороге, и вот однажды мимо проходил один из его убийц, он сильно ударил ногой по мертвой голове. Но черепная кость поранила ему ногу, и он умер. Так сотня убитых аш-Шанфарой стала полной» (*Аль-Исфяхани*: 111).

Аль-Исфяхани сообщает еще одну версию предания о поэте. Во время очередного набега воины племени Саламан взяли аш-Шанфару в плен. Саламанит, которому достался поэт, заставил его пасти скот вместе со своей дочерью, и аш-Шанфара полюбил эту девушку. Узнав, что поэт принадлежит знатному роду, хозяин сказал, что выдал бы за него свою дочь, но опасается мести своих соплеменников, и тогда поэт гордо заявил, что уничтожит 100 мужчин из племени Саламан, если они убьют его будущего тестя. Растроганный саламанит отпустил аш-Шанфару на свободу и отдал ему в жены свою дочь. Разгневавшиеся соплеменники убили тестя аш-Шанфары, и за это поэт стал им мстить. Когда он убил 99 человек, мужчины из племени Саламан сумели хитростью изловить и умертвить поэта:

«Он провисел там распятый год или два, и его труп охранял человек из рода Бану Саламан. Однажды явился кто-то из их соплеменников, который отсутствовал все это время. Тело аш-Шанфары уже упало на землю, и тот человек ударил по черепу, желая отшвырнуть его. Вдруг ему в ногу вонзилась черепная кость, и от этого он умер. Так этот человек завершил сотню» (*Аль-Исфяхани*: 116).

В композиционном отношении легенда о доисламском поэте представлена в арабских источниках согласно средневековой литературной традиции в виде короткой цепочки отдельных, не связанных между собой эпизодов, *хабаров*¹⁷ — небольших прозаических фрагментов и стихов, к ним привязанных.

¹⁷ *Хабар* (т. е. «сообщение», «известие») — небольшой прозаический рассказ, минимальная композиционная единица более крупного прозаического произведения средневековой арабской литературы.

При этом прозаическая часть несет исключительно информационную нагрузку, а поэтическая — эмоциональную. Как видно, все *хабары* данной истории сводятся к разъяснению причин ненависти аш-Шанфары к племени Саламан и обстоятельств гибели поэта, отличаясь лишь в деталях. Узловой *хабар* — «убийство» сотога саламанита после смерти поэта — повторяется почти без изменений. В основе всех эпизодов лежит древняя легенда о мести поэта и неотвратимости наказания за совершенное зло. Очевидно, что все эти прозаические фрагменты возникли на основе устной традиции как более поздние комментарии к дошедшим до нас стихам аш-Шанфары.

Поэтические переводы поэмы и общая концепция повести

Поэма аш-Шанфары, впервые опубликованная в Европе в 1806 г., сразу же привлекла внимание как арабистов, так и поэтов. Первые усмотрели в ней попытку разрыва канона традиционной трехчастной арабской *касыды*¹⁸, а последних поэма пленила своими необычными образами и тропами, абсолютно иной эстетической системой, отличной от европейской. Популярность этой поэмы на Западе современные ученые справедливо связывают с литературным направлением романтизма первой половины XIX в. (см.: [Крачковский, 1956: 240], [Blachère: 285]), ведь образ поэта-разбойника, героя-одиночки, отстаивавшего свою честь, бунтаря, осмелившегося восстать против традиционного племенного уклада, а также мотив единства человека и дикой природы Аравийского полуострова — все это идеально отвечало принципам романтизма. Неслучайно именно эта *касыда* имеет множество поэтических и научно-филологических переводов на разные языки. Даже в конце XX в. именно эта поэма из всей

¹⁸ Классическая арабская *касыда* состоит из трех частей. Первую часть можно условно назвать лирической, так как она описывает переживания поэта, связанные с его возлюбленной: воспоминания о встречах с ней, об отъезде ее племени и разлуке. Вторая часть обычно посвящена путешествию поэта по пустыне; в ней содержится подробное описание природы Аравийского полуострова и верхового животного, на котором едет поэт. Третья часть содержит самовосхваление собственных мужских качеств поэта, похвалу своему племени, вождю, а также поношение врагов.

ранней арабской поэзии вызывала наибольший интерес у западной аудитории (см.: [Sells: 5–6]). Сам Сенковский спустя 12 лет так оценил это произведение: «Стихи Шанфари можно почестъ за лучшие и самые сильные из всей арабской словесности»¹⁹.

Многочисленные поэтические переводы и вольные интерпретации этой поэмы, выполненные в первой трети XIX в., оказали непосредственное влияние на литературный замысел Сенковского²⁰. В конце 20-х гг. XIX в. только на польском языке почти одновременно появились сразу четыре поэтических переложения *касыды* аш-Шанфары. Их авторами были: Людвик Шпицнагель (Ludwik Spitznagel, 1806/1807–1827, Szanfary, 1827), его близкий друг Юлиуш Словацкий (1809–1849), представивший сразу две версии вольной интерпретации *касыды* с интервалом в год (Juliusz Słowacki, Szanfary I. Ułomki poematu arabskiego, 1828; Szanfary II. Poemat arabski, redakcja druga, 1829) и Адам Мицкевич (1798–1855) (Adam Mickiewicz, Szanfary, 1829). Мицкевич, с которым Сенковский был знаком еще со студенческих времен в Вильно, выполнил свое переложение сначала по французскому переводу Сильвестра де Саси, а затем внес коррективы, получив от Сенковского подстрочный перевод *касыды* с подробными комментариями²¹. В отличие от Мицкевича, Людвик Шпицнагель был арабистом и переводил непосредственно с арабского языка, зная древнеарабские реалии и художественные особенности произведения. Однако этот перевод остался незавершенным в связи с трагической кончиной автора 26 февраля 1827 г. Шпицнагель успел переложить лишь 35 *бейтов* из 68, что составило 92 стихотворных строки на польском, а перевод более ста лет оставался в рукописи и был опубликован лишь в 1932 г. (см.: [Siwiec]). Сохранились письма Юлиуша Словацкого,

¹⁹ См.: [Сенковский О. И.] Собр. соч. Т. 7. С. 178.

²⁰ Все переводы *касыды* аш-Шанфары на европейские языки до 1915 г. перечислены во втором томе монографии Георга Якоба (см.: [Jacob, 1915: 51–60]).

²¹ И. Ю. Крачковский в этой связи отмечает, что «без точных переводов Сильвестра де Саси и Сенковского немислимо было бы появление художественной обработки Мицкевича (1828 г.)» [Крачковский, 1956: 240].

в которых поэт утверждал, что перевод Шпицнагеля превосходит обработку Мицкевича (см.: [Segel: 41]). Сенковский наверняка знал обо всех переводах, которые готовили его соотечественники, поэтому решил поступить иначе.

Видя столь необычайную популярность поэмы аш-Шанфары в Европе и принимая во внимание наличие нескольких поэтических переложений, Сенковский, вероятно, посчитал, что очередной перевод этой поэмы будет уже малоинтересен русскому читателю, к тому же не знакомому со спецификой древнеарабской поэзии. Скорее всего, именно поэтому он задумал представить читателям сюжет о доисламском поэте в прозе, взяв за основу легендарную биографию поэта и привлекая помимо самой *касыды* также материал из других арабских источников. Жанр романтической «восточной» повести, в котором начинающий литератор уже имел некоторый опыт, идеально подходил для этой цели. Однако и тут Сенковский столкнулся с проблемами. Во-первых, воспроизводить историю аш-Шанфары по арабским антологиям, как это было с предыдущими повестями, не имело смысла, поскольку в них легенда излагалась очень кратко, в виде отдельных эпизодов. Процесс трансформации этих фрагментов в связный рассказ так или иначе требовал восполнения пробелов в биографии доисламского поэта. Во-вторых, легенда о клятве и мести поэта, опубликованная в хрестоматии Сильвестра де Саси, интриговала всех, и читатели жаждали узнать подробности. Для широкой аудитории такая история однозначно требовала доработки путем вымысла недостающих сюжетных эпизодов и деталей. Учитывая перечисленные обстоятельства, Сенковский выбрал верную стратегию для написания данной повести: расширил сюжет за счет реконструкции событий, упоминаемых в *касыде* и в арабских источниках, добавив в повесть образы из арабской литературы и реалии из кочевой жизни бедуинов, которую он знал не только по книгам, но и по собственному опыту. Таким образом, легенду о поэте дополнили реальные события из его жизни, быта арабских племен, а также исторические факты.

4. Перевод, пересказ или стилизация?

События повести развиваются на протяжении примерно трех с половиной лет в центральной части Аравийского полуострова в доисламское время. Фабула повести довольно простая. Давняя вражда двух крупных племен Азд и Саламан²², затем вероломное нападение рода Саламан на Азд во время отсутствия главного героя — поэта Шанфария, в результате чего многие его сородичи вместе с его возлюбленной оказались в плену. Желая спасти пленников и отомстить обидчикам, главный герой попытался объединить остатки своего племени и поднять всех на борьбу против вражеского рода. Однако этот отчаянный план не удалось выполнить: морально разбитые и напуганные соплеменники не были способны оказать сопротивление. Тогда Шанфарий и два его преданных друга решили самостоятельно отомстить врагам, при этом герой повести поклялся в одиночку прикончить 100 мужчин из вражеского племени. Но после того, как Шанфарий уничтожил 99 своих противников, он трагически погиб вместе со своей возлюбленной и близким другом, которого сам же и убил, по ошибке приняв его за воина из вражеского рода. Через несколько лет после смерти поэта вождь племени Саламан коварный Асир, «злейший всех соотчичей своих»²³, проходя мимо места смерти Шанфария, отпихнул ногой череп поэта, валявшийся у дороги. При этом острый осколок кости черепа вонзился ему в ногу, и спустя несколько дней Асир «испустил дух, в ужаснейших мучениях» (288). Так исполнилась клятва Шанфария.

Романтическая «восточная» повесть Сенковского, в основу которой легла древняя легенда о поэте, его клятве и неотвратимости наказания, содержит две сюжетные линии — авантюрно-героическую и целомудренно-любовную, что сразу же выдвинуло эту историю в разряд новых, необычных,

²² Крупные племенные союзы, до сих пор живущие на Аравийском полуострове.

²³ Сенковский О. И. VII. Смерть Шанфария (с арабского) // [Сенковский О. И.] Собр. соч. Т. 1. С. 270–271. Весь текст: с. 267–288. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.

а потому привлекательных произведений. Построение сюжета и обоснование сюжетного действия повести базировалось на борьбе главного героя за справедливость, за свободу своего племени и свое право быть счастливым, что, несомненно, вызывало симпатии и сочувствие читателей. В повести не было волшебства, чудесных превращений и любовных похождения, известных по сказкам «Тысячи и одной ночи»; не было в ней также надуманности, вычурности, сатиры и назиданий, свойственных «восточным» повестям рубежа XVIII–XIX вв. Обилие топонимов, реалий кочевой жизни бедуинов, живое и достоверное описание флоры, фауны и природных явлений Аравийского полуострова создавало иллюзию действительности, будто бы рассказчик был очевидцем этих событий. Одним словом, личность рассказчика располагала к себе и внушала доверие читателю, и в этом Сенковский полностью следовал принципам старой арабской поэзии. Поскольку мышление бедуина в доисламские времена было весьма конкретным, для него очень важны были детали, чтобы слушатель убедился в правдивости его слов; именно поэтому в старой арабской поэзии так много подробностей и топонимов, отсюда и фотографическая четкость в описании природы древними арабскими стихотворцами. На первой же странице повести читатель знакомится с «пустынями Неджда», «высотами Тудыха», «глубокими долинами Веджры», «Хеджазом», «водами Сейлана» и «ущельем Эль-Акса» (267). Все это — реальные топонимы Аравийского полуострова [Al-Hamdāni: 143, 127]. А вот как начинают свои поэмы древние арабские авторы:

Имрулькәйс:

Постойте, поплачем над жилищем заброшенным
В сыпучих кривых песках Дахула и Хаумала!
Стоянка любимой меж Микратом и Тудихом —
Не стерлись ее следы, их буря не замела²⁴.

²⁴ Аравийская старина: из древней арабской поэзии и прозы / пер. с араб. А. А. Долининой и Вл. В. Полосина; отв. ред. Б. Я. Шидфар; предисл. А. А. Долининой. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1983. С. 23. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Аравийская старина* и указанием страницы в круглых скобках.

Лабид:

Ты жильё в долине Мина узнаешь ли по следам?
Чуть видны они на склонах Гуль, на горе Риджам.
Обнажился след его на Райяне, как письма, на,
Где вода сбегает, смывая пыль, вниз по камням.
(*Аравийская старина: 40*).

Аль-Харис ибн Хиллиза:

Были в Халсе раскинута их палатки,
А потом в аль-Мухаййате за холмами,
В ас-Саффахе, Фитаке, потом в Шурбубе,
В Шубатане меж склонами и долами.
(*Аравийская старина: 58*).

В соответствии с требованиями средневекового канона арабский стихотворец должен был начинать свою поэму с детального описания места заброшенной стоянки племени, обязательно упоминая при этом конкретные топонимы, и Сенковский поступил так же, начав свой рассказ с подробного описания центральной части Аравийского полуострова, где происходили события его повести. Приведенные поэтические фрагменты указывают на заимствование данного повествовательного приема у древних арабских поэтов.

В этой повести рассказчик — вполне самостоятельный персонаж, который досконально знает не только географию, природу Аравийского полуострова, традиции, культуру и быт арабских племен. Это также философ, мудрец-сказитель, который мастерски владеет едва ли не всеми повествовательными приемами древних арабов. Его речь насыщена поэтическими формулами [Monroe], местными реалиями, рассуждениями о счастье и судьбе, а также реминисценциями из поэмы доисламских авторов. При этом важную функцию выполняет пейзаж — он создает эмоциональный фон, предвещая события, и служит иллюстрацией для размышлений рассказчика о непостоянстве и бренности бытия: «Но что значит счастье человека?.. оно непостояннее серого облака, блуждающего во влажном воздухе, после обильного весеннего дождя; оно ломче тонкой тростинки...» (268); или: «Одна только тростинка тонкая, сухая поднимается среди этого разрушения: судьба ее еще не исполнилась» (268). «Заветы судьбы неизбежны: стрелы ее достигают человека на высотах Тудыха

и в глубоких долинах Веджры» (267), — так начинает свое повествование рассказчик и завершает его рассуждением о предопределении: «Когда наступит роковое время, напрасно человек ухищряется избежать гибели: если он уклонится от смерти в одном месте, встретит ее непременно в другом» (287). Все это созвучно с размышлениями древних арабских поэтов:

Лабид:

Ведь у судьбы такие стрелы, что метко бьют,
Судьба решает, и все подвластно ее рукам.

(*Аравийская старина*: 43).

Тарафа:

Судьба забирает и достойного, щедрого,
И скряги гнуснейшего богатства несметные.

(*Аравийская старина*: 33).

Зухайр:

Судьба ковыляет, как слепая верблюдица,
Гадаешь, кого ударит каждый копыта взмах:

Попала — и наповал убила злосчастливого,
А промах — и без конца ты мучишься в стариках.

(*Аравийская старина*: 39).

Ан-Набига аз-Зубьяни:

Преследует смертных судьба и всегда настагает,
Судьбу же — увы! — ни поймать, ни вести в поводу²⁵.

Подобные размышления о судьбе и предопределении — довольно частое явление в средневековой арабской поэзии. В доисламское время такие стихи обычно составляли часть *касыды*; с приходом ислама на их основе развился отдельный жанр *зухдийят*²⁶ — лирическая поэзия философско-аскетического содержания. В повести Сенковского мотив судьбы и предопределения является ключевым, а образ судьбы, пускающей свои стрелы в людей, «срисован» с поэмы Лабиды.

²⁵ Арабская поэзия средних веков / пер. с араб.; вступ. ст. К. Яшена; сост., послесл. и примеч. И. М. Фильштинского. М.: Худож. лит., 1975. С. 104. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Арабская поэзия средних веков* и указанием страницы в круглых скобках.

²⁶ *Зухдийят* (от *зухд*, т. е. «воздержанность», «благочестие», «аскетизм») — популярный жанр средневековой арабской поэзии эпохи ислама.

Небольшая сценка о лани, убегаящей от волков, также является реминисценцией фрагмента поэмы Лабиды:

«Уже дождь начинает падать редкими, но крупными каплями. Белая лань, уходящая от волков, растерзавших в горах двух ее детищ, едва успела скрыться под захирелое дерево, осеняющее скат холма, где дрожащие ее ноги скользят в песке, как вдруг удар грома раздробил оное...» (276).

Ср. у Лабиды:

Она теленка без присмотра покинула,
И достался он в добычу серым худым волкам.

Теленка белого разодрали они в куски;
Она мычит в тоске и мечется здесь и там:

<...>

И так всю ночь бежит сайга в темноте без звезд.
А длинный ливень, из туч свисая, льет по холмам

И по спине ее он хлещет безжалостно,
А ветер северный гонит тучи по небесам.

На краю песков приюта ищет она в дупле
Одинокой пальмы — и снова мечется по кустам.

(Аравийская старина: 42–43).

Такого рода зарисовки — детальные описания флоры и фауны Аравийского полуострова, а также верхового животного, на котором едет поэт, — являлись обязательными компонентами классической *касыды*²⁷. Этот поэтический жанр назывался *васф*, т. е. «описание»; он был очень развит уже в доисламскую эпоху, о чем свидетельствует значительное количество небольших стихотворений такого жанра, сохранившихся до наших дней. Сенковский, подражая арабским стихотворцам, стремится передать их стиль, использует те же образы и сравнения. Кроме того, в доисламской поэзии широко употребляются образы-формулы: ветер, облака, тучи и дожди, несущие для бедуина желанную воду, — и вот примеры:

Имруулькайс:

И снова дождь! Опять, стекая с крыш,
Ты монотонно каплями стучишь. <...>

²⁷ См. примеч. 18.

Струится дождь, уныл и непрерывен,
 И, наконец, свирепый хлынул ливень.
 С востока налетел внезапный шквал,
 И ветер южный вдруг забушевал.
 Но, гнев излив и душу отведя,
 Стал затихать — и нет уже дождя.

(Арабская поэзия средних веков: 31–32).

Антара:

Тот луг оросило белесое вешнее облако,
 В промоинах лужи сверкают, как россыпь монет.
 Там ежевечерне дожди проливаются теплые,
 Часами струятся и медленно сходят на нет...

(Арабская поэзия средних веков: 70).

Аль-Аша:

За ней другая²⁸ идет, полна воды, тяжела,
 И льет она без конца дождя широкий поток.

(Аравийская старина: 66).

Эти поэтические фрагменты, также относящиеся к жанру *васф*, демонстрируют, что древние арабские поэты весьма тщательно и с большой любовью описывали ветры, тучи, дожди и облака, потому что от этих природных явлений зависела жизнь в пустыне. Следуя за арабскими поэтами, рассказчик также использует эти образы в своей повести: «серое облако», «обильный весенний дождь» (268), «восточный ветер», «черная туча», «бурные облака» (275–276).

Частые обращения рассказчика к читателю создают ощущение живой и доверительной беседы: «Вы слышали о Шанфарии <...>?» (267); или: «Смотрите! уже лучи солнца выпили всю воду...» (268). Такой прием нередко использовали и доисламские арабские поэты: «Эй, люди, разве кто-нибудь увидит, / Чтоб наши отступали, ослабевая?» (Аравийская старина: 54), «Долго ль будете вы молоть языками?» (Аравийская старина: 61), «Ты видел тучу большую?» (Аравийская старина: 66).

Чтобы усилить интригу, писатель ввел в повесть элементы сверхъестественного — это «зловредные дивы», которые «всегда имеют связи с злобными и коварными людьми» (270), «днем они появляются на равнинах Неджда в виде хромых

²⁸ Имеется в виду туча.

гиен и серых волков; ночью же пируют в ущельях Акабы» (271), а также прорицательница Ханса, предсказавшая герою его трагический конец. В доисламские времена в арабском обществе прорицатели были особым социальным классом: перед тем как решиться на какое-либо важное дело, к ним всегда обращались за советом. Точно так же поступил и главный герой повести. Сенковский неспроста назвал свою гадалку именем известной доисламской поэтессы аль-Хансы (ум. 664), прославившейся элегиями на смерть своих братьев. Дело в том, что в доисламском арабском обществе поэты, как и прорицатели, тоже составляли особую высшую касту; считалось, что они способны «видеть» будущее, ведь недаром в арабском языке слово «поэт» происходит от глагола «знать», «достигать», «чувствовать», а поэтический талант и поэзия как высшая форма организации человеческой речи приравнивались к магии.

Основу сюжета повести составила романтическая легенда о клятве и мести поэта, а главный акцент сделан на идее справедливого возмездия, всегда наступающего злодея. Известно, что кровная месть была важным элементом этических отношений у арабов до ислама, и арабская книжная традиция сохранила массу таких примеров: известный поэт Имруулькәйс (ум. 540) мстил за своего отца; очень часто кровная месть порождала многолетние войны между племенами, в которые постепенно втягивались целые племенные союзы. Из текста поэмы аш-Шанфары ясно следует, что между героем и его сородичами произошла какая-то размолвка, из-за которой поэт был вынужден оставить свое племя и удалиться в пустыню. Намеки на этот конфликт читатель может увидеть уже в первых *бейтах касыды*²⁹:

«Я больше теперь не ваш, примкнул я к семье другой!»,
«С другими я породнился: с волком стремительным, / с пятнистым гепардом...», «Но гордой душе моей позора не вынести...»
и т. п. (*Аравийская старина*: 75, 77).

²⁹ Все цитаты из *касыды* аш-Шанфары даны в поэтическом переводе А. А. Долининой (*Аравийская старина*: 75–80), в котором удачно воспроизведены особенности рифмы (монорим) и размер подлинника (*тавилль*).

Содержится в *касыде* и указание на клятву:

«И длинными спутанными — ветер подул на них / И поднял густые пряди дыбом над головой. // Немыты уж год они...» (*Аравийская старина*: 79–80) —

так описывает аш-Шанфара свои волосы, что по обычаю бедуинов означало обет не мыться и не стричься, пока давший клятву не исполнит свое обещание.

Причину этой ссоры невозможно понять из контекста поэмы, поэтому Сенковский ее придумал, основываясь на сообщениях о набегах бедуинов из свода преданий «Дни арабов». После того, как сородичи Шанфария отказались выступить против племени Саламан, главный герой повести произнес свою пламенную речь, которая, по сути, является художественным переводом начального фрагмента поэмы³⁰:

«Друзья! поднимите с земли ваших верблюдов; я пойду искать других для себя товарищей. <...> Для честных есть в мире убежище от обиды <...>. На земле не бывает тесно человеку, одаренному умом и одушевленному благородными чувствами, стремится ли он к достижению предположенной цели, или избегает преследования злобных. В замену вас <...> друзьями моими будут быстроногий волк пустыни, пестрый леопард и гривистая хромая гиена: они не страшатся опасностей, не знают ни подлости, ни измены <...> ...всегда я первый бросался на ваших неприятелей и всегда последний, при разделе добычи, протягивал победоносную руку для получения своей доли <...>. ...Неустрашимое сердце, кривой меч мой и желтый дребезжащий лук, вот мои верные товарищи в благородном подвиге! Вы знаете твердость моего духа и мою решительность: ни голод, ни жажда, ни стужа, ни зной, никогда не были для меня препятствием в моих предприятиях» (274)³¹.

Последнее предложение монолога главного героя вобрало в себя ту часть *касыды*, которая традиционно называется *фахр*, т. е. «самовосхваление». В ней поэт в соответствии с канонами прославляет свои мужские качества, особо ценимые бедуинами: терпение, выносливость и умение преодолевать трудности. Вот что говорит о себе аш-Шанфара:

³⁰ Орфография XIX в. приведена в соответствие с современными нормами.

³¹ Ср.: *Аравийская старина*: 75–76.

Я мысли о пище отгоняю безжалостно:
Подолгу терпеть привык мой тощий живот пустой.

<...>

Я голую землю подстилаю для отдыха,
Стараясь прилечь к ней иссохшей своей спиной.

<...>

Я шел сквозь пустыню, а со мною попутчики —
И стужа, и дрожь, и страх, и ливень, и мрак ночной.

(Аравийская старина: 76, 78, 79).

Можно без особого труда заметить, что Шанфарий, придерживаясь традиции, полностью воспроизводит *фахр*, так как это необходимый элемент древней *касыды*.

Эмоциональная клятва главного героя стилизована под коранические клятвы:

«Клянусь Всевышним Существом, создавшим степи и горы, и семью блуждающими звездами, и гением хранителем стад наших, и священным храмом Каабы³², и небесною водою колодезя Земзем³³...» (275).

Сравним с ранними кораническими сурами: «Клянусь же Господом небес и земли» (Коран 51:23)³⁴, «Клянусь горой, и книгой, начертанной на свитке развернутом» (Коран 52:1–3), «Клянусь звездой, когда она закатывается!» (Коран 53:1), «Клянусь месяцем! И ночью, когда она повертывается, и зарей, когда она показывается!» (Коран 74:35–37), «Клянусь зарюю, и десятью ночами» (Коран 89:1–2) и т. д.³⁵

³² Кааба — главная святыня мусульман, расположенная в главной мечети Мекки. В доисламское время была языческим святилищем. Подробнее см.: [Wensinck, Jomier].

³³ Колодец Земзем — священный колодец, расположенный неподалеку от Каабы и почитаемый арабами еще с доисламских времен. Мусульманская традиция закрепила особый статус этой святыни; его вода считается лечебной (см.: [Chabbi]).

³⁴ Цит. по изд.: Коран / пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. 2-е изд. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1986. 727 с.

³⁵ Стилизация под ранние суры Корана не является анахронизмом, т. к. Мухаммед в начале своей проповеднической деятельности следовал доисламским устным традициям. В повести упоминается Аллах (276), что также не является противоречием. Аллах был известен доисламским арабам; он был верховным божеством и богом-творцом [Gardet: 406].

Вся система образов повести Сенковского построена на контрастной дихотомии черного и белого. Как и положено действующим лицам романтической повести, герои безупречны, а антигерои отвратительны во всем; в повести нет полутонов:

«Он был знаменитейший герой того времени; она красотой своею превосходила всех дев пустыни. Родители благословили любовь их, и они жили счастливо» (268), —

так представляет автор своего главного героя и его возлюбленную, переходя затем к характеристике враждующих племен:

«Поколение Азд <...> славится храбростью и великодушием своих воинов, красотой и добродетелью жен. Но поколение Саламан известно по одним только постыдным недостаткам...» (269).

Друзья идеальны, а враги двуличны, завистливы и вероломны. Однако именно такая незатейливая дихотомия, олицетворяющая вечную борьбу добра и зла, ярче и рельефнее высвечивает добрые поступки, а сталкивая положительных и отрицательных героев, создает динамику и обеспечивает развитие сюжета повести.

В соответствии с принципами романтического искусства центральный персонаж произведения должен быть человеком исключительным и обязательно должен героически погибнуть в борьбе за справедливость. И герой Сенковского именно такой — это поэт-воин, герой-одиночка, готовый во что бы то ни стало защищать слабых, отстаивать свою честь и бороться со злом:

«...копье его всегда готово было к защите бессильного, а имущество к удовлетворению нужд странника и сироты» (270).

Рисуя этот художественный образ воина, Сенковский взял за основу хорошо известный этический кодекс бедуинов — *аль-мурувва*³⁶. Данный кодекс включал такие качества, как

³⁶ *Аль-мурувва* — бедуинский кодекс чести; в переводе означает «мужественность», то есть совокупность качеств «настоящего мужчины». Этот кодекс чести до сих пор бытует среди бедуинов Аравийского полуострова.

храбрость и великодушие, доблесть и милосердие, отвага и гостеприимство, выносливость и защита слабых, щедрость и скромность, честность и гордость за свой род, сила и благородство, терпение и выдержка. Герой повести Сенковского имеет некоторое сходство со своим прототипом: «...никто из Бедуинов, сев на нее (т. е. лошадь. — А. С.), не догонял меня бегущего пешком по кремнистой почве Неджда» (275). Увидев кого-либо из рода Саламан, Шанфарий «всякий раз наперед кричал, предостерегая, что нанесет ему удар в глаз, в сердце, в желудок» (276), что также упоминается в арабских источниках. Однако читатель-арабист без труда заметит в образе Шанфария черты другого известного доисламского поэта — Антары ибн Шаддада из племени Абс (ум. ок. 615), которые дополняют образ центрального персонажа. Антара тоже был неустрашимым воином, которого боялись многие, и пока он был жив, племя Абс оставалось непобедимым. Именно Антара был тем известным поэтом, чья *касыда* причислена к шедеврам доисламской поэзии, тогда как стихи аш-Шанфары не были популярны среди арабов, по крайней мере до конца VIII в. (см.: [Крачковский, 1956: 239]). Именно Антара преданно любил свою двоюродную сестру красавицу Аблу, тогда как о личной жизни аш-Шанфары почти ничего не известно.

Следуя принципам романтизма, Сенковский не мог омрачить благородный облик героя своей повести, а поэтому был вынужден утаить от читателей неблагоприятные поступки его прототипа. Известно, что настоящий аш-Шанфара был изгнан из своего племени за какие-то преступления: сам поэт в *касыде* признается в совершенных им злодеяниях, которые преследуют его, «делят по жребью» его тело «и спорят, кому владеть удаюю головой» (*Аравийская старина*: 78). Он напал на стоянки бедуинов, грабил и убивал: «Я вдовами делал жен, и я сиротил детей, / Но сам оставался цел, укрытый ночью мглой», — откровенничает поэт (*Аравийская старина*: 79). Таким образом, Сенковский создал своего героя, собрав в нем положительные черты двух доисламских поэтов — аш-Шанфары и Антары. И обвинять Сенковского в сокрытии истинных деталей нельзя: ведь он как автор художественного произведения имел право на вымысел; к тому же он творил

в рамках литературного течения своего времени, задававшего определенные эстетические нормы и требования. Следовательно, образ главного героя повести в известном смысле является собирательным образом идеального бедуина: храброго воина и в то же время талантливого поэта с ранимой душой, способного на глубокие искренние чувства и готового пожертвовать своей жизнью ради других во имя справедливости и общего счастья.

Частым приемом в доисламской арабской поэзии является обращение поэта к двум своим друзьям или спутникам с просьбой выслушать его поэму и разделить с ним воспоминания о прошлом³⁷. Сенковский использовал и этот прием в своей повести: Шанфария поддерживали два преданных друга — Омар и Селик, «которые пристали к нему во время его странствования и обещали разделять с ним опасности» (273).

Если образ главного героя в повести изображен достаточно ярко, то образ его возлюбленной Дальфы представлен схематично, как это и принято в средневековой арабской поэзии. Древних арабских поэтов и сказителей почти не интересовал внутренний мир героев (особенно женщин) — их интересовали лишь события и их внешние проявления. Точно так же поступает и Сенковский, изображая свою героиню:

«...Дальфа роза иемамская, краса пустынь Хеджаза, столько же превосходившая всех женщин красотой, сколько солнце яснее бледной луны» (272) —

такую характеристику дает он девушке, используя арсенал эпитетов и сравнений средневековой арабо-персидской поэзии. И добавляет:

«[она] всегда была покрыта длинным темным *никабом*³⁸, падавшим с головы до ног. <...> ...она была пряма, как пальма; при

³⁷ При переводах доисламских поэм на европейские языки этот прием скользает от читателя, т. к. в подлиннике обращение всегда реализуется в особой форме двойственного числа, а переводчики вынуждены игнорировать такие детали. Примером может послужить знаменитая поэма Имруулькайса: «Постойте, поплачем над жилищем заброшенным!», — в которой автор обращается именно к двум своим спутникам, на что указывает императив двойственного числа в исходном тексте.

³⁸ *Никаб* — женская накидка, закрывающая все тело женщины, кроме глаз.

движении она нежно колебалась подобно ветви гибкого бана, или копьё арабского воина, сделанному из длинной тегамской трости» (277).

Это все, что читатель может узнать о возлюбленной главного героя из повести; таким приемом Сенковский как бы вовлекает читателя в свое повествование, оставляя за ним право самому «дорисовать» черты характера героини и ее внутренний мир.

Безусловно, все читатели были очарованы локальным колоритом и экзотикой повести, которые представлены арабскими и персидскими реалиями: это благовонный йеменский мед; две легкие *муки* — маленькие птички, похожие на воробьев; стаи черных *катт* — птиц, подобных куропаткам; священный храм Каабы, колодец Земзем, тугой йеменский лук, богатый шлем аджемского воина, *нашиды*³⁹ и т. п. Особенно интересно отметить, что даже в художественном произведении молодому автору не удалось скрыть свою профессорскую натуру: краткие, но очень информативные примечания о дивах, мерзэбанах и Аджеме (см.: 270, 280) выдают востоковеда. Писатель использовал любую возможность, чтобы просветить русского читателя и объяснить ему диковинные слова. И в этой связи необходимо отметить, что удачное сочетание художественного стиля с научным — особенность многих произведений Сенковского.

Несмотря на то, что в самом начале повести писатель указал на ее арабское происхождение, в ней имеются также персидские фольклорно-литературные элементы: это коварные дивы, перевоплощающиеся в друзей, чтобы сбить человека с толку и вынудить совершить злодеяние, а также мотив убийства близкого человека по ошибке, — заимствованные из «Шахнаме» Абу-ль-Касима Фирдоуси (935–1020) (Сказание о Заххаке, Сказание о Рустаме и Сухрабе). Действительно, арабская и персидская средневековые литературы очень тесно взаимодействовали на протяжении многих веков (включая доисламский период), и каждая из них органично вобрала множество элементов другой, так что, добавив в арабскую

³⁹ *Нашид* — мужское пение без инструментального сопровождения, а также песни, предназначенные для такого исполнения.

повесть персидские мотивы, Сенковский нисколько не обманывал своих читателей.

Поскольку обсуждаемая повесть содержит в заглавии приписку «с арабского», что следует понимать, как перевод с арабского или вольный пересказ с арабского, необходимо рассмотреть ее содержание в контексте истории развития подходов к переводу как литературному феномену. До начала XIX в. «считалось вполне допустимым создавать своеобразный синтез переводного материала с собственным творчеством» [Нелюбин, Хухуни: 235], и хотя такой подход стал оспариваться уже в первой трети XIX в., многие переводчики все еще оставались приверженцами вольной интерпретации оригинала. Переделки и вольные переводы с разных языков по-прежнему были распространены, поэтому попытка Сенковского представить свою интерпретацию истории аш-Шанфары на основе и с использованием оригинального материала вполне укладывалась в представление о переводе той эпохи. Кроме того, примечание «с арабского» указывало на арабскую литературу как источник происхождения данной повести, что соответствовало действительности. Арабская легенда, лежащая в основе повести, наличие в тексте фрагментов перевода и пересказа — все это давало основание Сенковскому и издателю его трудов отнести это произведение к вольным переводам в соответствии с представлениями того времени. К тому же переводчики эпохи романтизма свою главную задачу видели в передаче национального своеобразия оригинала, а в этом Сенковский преуспел. Утверждение И. Ю. Крачковского о невозможности считать «Смерть Шанфария» переводом связано с тем, что исследователь подошел к изучению проблемы с современных ему позиций, не принимая во внимание исторический контекст, ведь подход к переводу середины XX в. существенно отличался от понимания этого феномена в первой трети XIX в.

На основании представленного анализа можно заключить, что «Смерть Шанфария» — это романтическая «восточная» повесть, пришедшая на смену философско-назидательной «восточной» повести XVIII — начала XIX в. Разумеется, в произведении Сенковского сохранен просветительский аспект,

однако здесь он выполняет совсем иную функцию: автор не поучает читателя, как следует жить, а стремится познакомить его с другой культурой, весьма правдоподобно изображая жизнь арабских племен до ислама. Это профессиональная стилизация, в которую органично встроены фрагменты художественного перевода и пересказа арабских источников, отчетливо просматривающиеся в тексте повести; хорошо заметно также подражание повествовательной манере древних арабских авторов. Успешно воспроизведено в «Смерти Шанфария» средствами русского языка жанровое и национальное своеобразие арабской классической литературы. Благодаря совокупности таких способов, как перевод, пересказ, подражание и стилизация, Сенковский смог легко и непринужденно познакомить русского читателя с доисламской арабской литературой, весьма трудной для восприятия неподготовленной аудиторией. Анализ содержания повести позволил также обнаружить истоки «романтической фантазии» Сенковского и тот факт, что к каким бы художественным средствам и приемам ни прибегал автор, он всегда представлял русскому читателю подлинный восточный материал.

5. Заключение

О. И. Сенковский — один из немногих европейских востоковедов первой половины XIX в., кто провел два года на Востоке и свои глубокие знания о восточных народах смог передать людям не только как университетский профессор, но и как талантливый переводчик и писатель. В. А. Эберман в свое время установил, что «расцвет переводческой и подражательной литературы, имеющей своим источником поэзию арабов и персов, падает на 20–30-е годы XIX века» [Эберман: 111]. Анализируя проникновение арабо-персидских мотивов в русскую литературу, он выделил два пути знакомства с восточной поэзией — *усвоение* (посредством переводов оригинальных художественных произведений) и *переработку*, иными словами, работу «творческую, основанную на личном, иногда личном и книжном знакомстве с чужим, экзотичным» [Эберман: 109]. В этом смысле цикл «Восточных повестей и поэм»

Сенковского ярко демонстрирует реализацию обоих способов, а в повести «Смерть Шанфария» они сочетаются особенно органично. Сенковский использовал разнообразную палитру средств: от художественного перевода — через вольный пересказ — к литературным стилизациям, к импровизациям на сюжеты из арабской литературы. По-видимому, примером для Сенковского в этом смысле был В. А. Жуковский (1783–1852) — «гений перевода», в творчестве которого имеются и переводы, и вольные интерпретации, и подражания, и даже новые тексты по мотивам оригиналов. Сенковский использовал те же способы, только в прозе. Несомненно, в поисках новой формы и стиля романтической повести он следовал и за своим другом и учителем А. А. Бестужевым (Марлинским), чьи сочинения послужили для него образцами жанра.

Анализируя феномен стилизации, Д. С. Лихачев отмечал: «Для русской литературы время появления стилизаций — начало XIX в. Как и всегда в случаях появления нового, это новое увлекает, и временно стилизации входят в литературную моду» [Лихачев: 203]. Естественно, что Сенковский не смог избежать этого нового веяния. Объектами подражания и стилизации обсуждаемой повести послужили произведения средневековой арабской литературы со своим стилем и образной системой, причем в повести «Смерть Шанфария» данный художественный прием выглядит весьма зрелым, потому что Сенковский досконально знал исходный материал. Имитационные приемы, которыми воспользовался востоковед, подражая древним арабским поэтам (фотографическое описание природы Аравийского полуострова, обилие топонимов, формулы, сравнения и образы старой арабской поэзии), в совокупности с переведенными фрагментами, арабо-персидскими мотивами и реалиями позволяют причислить это литературное произведение к профессиональным стилизациям. Создавая свою повесть, Сенковский опирался на жанровую и образную систему доисламской арабской поэзии, которая в то время была уже весьма развита и очень самобытна. Напротив, прозаические жанры в течение длительного времени находились в зачаточном состоянии и начали интенсивно развиваться только в период ислама.

Выбранная Сенковским стилизация с фрагментами перевода и пересказа была вдвойне оправдана тем обстоятельством, что обычные переводы доисламской поэзии арабов были бы непонятны его современникам, о чем свидетельствует пространное примечание самого ученого к переводу поэмы Лебиды⁴⁰. В середине XX в. это подтвердил другой арабист: «Доисламская поэзия арабов малодоступна и малопривлекательна для европейского читателя, подходящего с обычными эстетическими запросами. Большая трудность языка, обусловленная отчасти лексическим богатством, в котором и теперь исследователи нередко теряются, действует устрашающе даже на ученых. Усилия, которые приходится затрачивать для непосредственного понимания, настолько велики, что, по ироническому замечанию одного исследователя, парализуют всякое эстетическое восприятие» [Крачковский, 1956: 238]. Именно поэтому следует признать, что найденный Сенковским способ представления древнеарабской поэзии русскому читателю первой половины XIX в. через призму романтической «восточной» повести вполне отвечал потребностям своего времени. Увлекательная манера повествования в совокупности с профессионализмом перевода, подражания и стилизации на основе подлинного арабского материала давали массовому русскому читателю вполне адекватное представление об арабах, их традициях и богатой культуре.

Список литературы

1. Белинский В. Г. О русской повести и повестях г. Гоголя («Арабески» и «Миргород») // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. 1. С. 259–307.
2. Данильченко Г. Д. Романтический ориентализм в русской литературе первой половины XIX века: дис. ... канд. филол. наук. Бишкек: Бишкек гуманитар. ун-т, 1999. 146 с.
3. Дердиров М. Ф. Проблемы воссоздания национального и жанрового своеобразия арабской классической прозы: дис. ... канд. филол. наук. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 199 с.
4. Каверин В. А. Барон Брамбеус: история Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения». М.: Наука, 1966. 238 с.
5. Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 300 с.

⁴⁰ См.: [Сенковский О. И.] Собр. соч. Т. 1. С. 308–309.

6. Крачковский И. Ю. Источник «Витязя бланого коня» и других восточных повестей Сенковского // Крачковский И. Ю., акад. Избр. соч.: в 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 1. С. 225–251.
7. Крачковский И. Ю. Аш-Шанфарā. Песнь пустыни // Крачковский И. Ю. Избр. соч.: в 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 2. С. 238–245.
8. Кубачева В. Н. «Восточная» повесть в русской литературе XVIII — начала XIX века // XVIII век. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. Сб. 5. С. 295–315 [Электронный ресурс]. URL: http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/XVIII/Сборник_5_XVIII.pdf (20.11.2022).
9. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 2-е изд., доп. Л.: Худож. лит., 1971. 414 с.
10. Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т. Наука о переводе: история и теория с древнейших времен до наших дней. М.: Флинта, Московский психолого-социальный ин-т, 2006. 416 с.
11. Сахаров В. И. Форма времени // Русская романтическая повесть. М.: Сов. Россия, 1980. С. 5–40.
12. Эберман В. А. Арабы и персы в русской поэзии // Восток: журнал литературы, науки и искусства. М.; Пб.: Всемирная литература, 1923. Кн. 3. С. 108–125 [Электронный ресурс]. URL: http://www.orientalstudies.ru/rus/images/pdf/journals/vostok_3_1923_10_ebermann.pdf (20.11.2022).
13. Al-Hamdānī Abū Muḥammad al-Ḥasan. *Ṣifat ḡazīrat al-‘Arab*. [=Al-Hamdānī’s Geographie der arabischen Halbinsel: nach den Handschriften von Berlin, Constantinopel, London, Paris und Strassburg]. Leiden: E. J. Brill, 1884. 700 p.
14. Al-Isfahānī Abū al-Faraḡ. *Kitāb al-Aḡānī*. Bayrūt: Dār ṣādir, 2008. Al-Muḡallad 21. 284 p.
15. Ambroziak D. “Każdy baron ma swojā fantazję”: Józef Sękowski, Polak z pochodzenia, Rosjanin z wyboru. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2007. 168 s. (Ser.: Studia i Monografie; Nr. 391.)
16. Arazi A. Al-Shanfarā // *The Encyclopaedia of Islam: in 12 vols. 2nd Edition*. Leiden: E. J. Brill, 1997. Vol. IX: San — Sze. Pp. 301–303.
17. Blachère R. *Histoire de la littérature arabe des origines à la fin du XVe siècle de J.-C.* Paris: J. Maisonneuve, 1990. Tome 2. Pp. 187–453.
18. Chabbi J. ‘Zamzam’ // *The Encyclopaedia of Islam: in 12 vols. 2nd Edition*. Leiden: E. J. Brill, 2002. Vol. XI: W — Z. Pp. 440–442.
19. Gardet L. ‘Allāh’ // *The Encyclopaedia of Islam: in 12 vols. 2nd Edition*. Leiden: E. J. Brill, 1986. Vol. I: A — B. Pp. 406–417.
20. Gelder G. J. H., van. ‘Al-Shanfarā (d. c. 550)’ // *Encyclopedia of Arabic Literature: in 2 vols / ed. by J. S. Meisami and P. Starkey*. London; New York: Routledge, 1998. Vol. 2: L — Z. Pp. 703–704.
21. [Jacob G.] *Schanfarā-Studien von Georg Jacob*. München: Bayerische Akademie der Wissenschaften, 1914. 1. Teil: Der Wortschatz der Lāmīja nebst Übersetzung und beigefügtem Text. 104 s. [Электронный ресурс]. URL: <http://publikationen.badw.de/de/003837648/pdf/CC%20BY> (20.11.2022).
22. [Jacob G.] *Schanfarā-Studien von Georg Jacob*. München: Bayerische Akademie der Wissenschaften, 1915. 2. Teil: Parallelen und Kommentar zur Lāmīja, Schanfarā-Bibliographie. 60 s. [Электронный ресурс]. URL: <http://publikationen.badw.de/de/003837650/pdf/CC%20BY> (20.11.2022).

23. Monroe J. T. Oral Composition in Pre-Islamic Poetry // *Journal of Arabic Literature*. 1972. Vol. 3. Pp. 1–53.
24. Pedrotti L. Józef Julian Sękowski. The Genesis of a Literary Alien. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1965. 226 p.
25. Sacy S. A. I., de. *Chrestomathie arabe, ou, Extraits de divers écrivains arabes, tant en prose qu'en vers: à l'usage des élèves de l'École spéciale des langues orientales vivantes*. Paris: Imprimerie royale, 1806. T. 1, contenant le texte arabe. 587 p. (a)
26. Sacy S. A. I., de. *Chrestomathie arabe, ou, Extraits de divers écrivains arabes, tant en prose qu'en vers: à l'usage des élèves de l'École spéciale des langues orientales vivantes*. Paris: Imprimerie royale, 1806. T. 3, seconde partie de la traduction. 588 p. (b)
27. Sacy S. A. I., de. *Chrestomathie arabe, ou, Extraits de divers écrivains arabes, tant en prose qu'en vers: à l'usage des élèves de l'École spéciale des langues orientales vivantes*. 2 Éd. Paris: Imprimerie royale, 1826. Tome 2. 760 p. [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.org/details/chrestomathiear00sacygoog/page/n731/mode/2up> (20.11.2022).
28. Segel H. B. Słowacki's "Arabic" Poems, 1828–1830 // *The Polish Review*. 1963. Vol. 8. No. 2 (Spring). Pp. 38–54.
29. Sells M. Shanfarā's Lamiyya: A New Version // *Al-'Arabiyya*. 1983. Vol. 16. No. 1/2 (Spring & Autumn). Pp. 5–25.
30. Serikoff N. Thinking in a different language: the Orientalist Senkovskii and 'Orientalism' // *Acta Orientalia Vilnensia*. 2009. Vol. 10. No. 1–2. Pp. 111–124. DOI: 10.15388/AOV.2009.3668
31. Siwiec P. "Szanfary": raz jeszcze o przekładach Adama Mickiewicza i Ludwika Spitznagla // *Pamiętnik Literacki*. 2014. Rocznik CV. Zeszyt 2. S. 21–45 [Электронный ресурс]. URL: <https://docplayer.pl/50548272-Pawel-siwiec-szanfary-raz-jeszcze-o-przekladach-adama-mickiewicza-i-ludwika-spitznagla.html> (20.11.2022).
32. Stetkevych S. P. Archetype and Attribution in Early Arabic Poetry: al-Shanfarā and the Lāmiyyat al-'Arab // *International Journal of Middle East Studies*. 1986. Vol. 18. Issue 3 (Aug.). Pp. 361–390. DOI:10.1017/S0020743800030518
33. Wensinck A. J., Jomier J. 'Ka'ba' // *The Encyclopaedia of Islam: in 12 vols. 2nd Edition*. Leiden: E. J. Brill, 1997. Vol. IV: IRAN — KHA. Pp. 317–322.

References

1. Belinskiy V. G. About the Russian Short Novel (Povest') and the Short Novels (Povesti) of Gogol ("Arabesques" and "Mirgorod"). In: *Belinskiy V. G. Polnoe sobranie sochineniy: v 13 tomakh* [Belinsky V. G. *The Complete Works: in 13 Vols*]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1953, vol. 1, pp. 259–307. (In Russ.)
2. Danil'chenko G. D. *Romanticheskii orientalizm v russkoy literature pervoy poloviny XIX veka: dis. ... kand. filol. nauk* [Romantic Orientalism in Russian Literature in the First Half of the 19th Century. PhD. philol. sci. diss.]. Bishkek, Bishkek Humanities University Publ., 1999. 146 p. (In Russ.)

3. Derdirov M. F. *Problemy vossozdaniya natsional'nogo i zhanrovogo svoebraziya arabskoy klassicheskoy prozy: dis. ... kand. filol. nauk* [The Problems of Recreating the National and Genre Identity of Arabic Classical Prose. PhD. philol. sci. diss.]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1989. 199 p. (In Russ.)
4. Kaverin V. A. *Baron Brambeus: istoriya Osipa Senkovskogo, zhurnalista, redaktora "Biblioteki dlya chteniya"* [Baron Brambeus: The History of Osip Senkovsky, Journalist, Editor of the "Biblioteka dlya Chteniya" ("The Reader's Library")]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 238 p. (In Russ.)
5. Krachkovskiy I. Yu. *Ocherki po istorii russkoy arabistiki* [Essays on the History of Russian Arabic Studies]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1950. 300 p. (In Russ.)
6. Krachkovskiy I. Yu. The Source of "The Knight of the Buckskin Horse" and Other Oriental Short Novels (Povesti) of Senkovsky. In: *Krachkovskiy I. Yu. Izbrannye sochineniya: v 6 tomakh* [Krachkovsky I. Yu. Selected Works: in 6 Vols]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1955, vol. 1, pp. 225–251. (In Russ.)
7. Krachkovskiy I. Yu. Ash-Shanfarā. The Desert Song. In: *Krachkovskiy I. Yu. Izbrannye sochineniya: v 6 tomakh* [Krachkovsky I. Yu. Selected Works: in 6 Vols]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1956, vol. 2, pp. 238–245. (In Russ.)
8. Kubacheva V. N. "Eastern" Short Novel (Povest') in Russian Literature of the 18th — Early 19th Centuries. In: *XVIII vek* [The 18th Century]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1962, collection 5, pp. 295–315. Available at: http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/XVIII/Сборник_5_XVIII.pdf (accessed on November 10, 2022). (In Russ.)
9. Likhachev D. S. *Poetika drevnerusskoy literatury* [The Poetics of Old Russian Literature]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1971. 414 p. (In Russ.)
10. Nelyubin L. L., Khukhuni G. T. *Nauka o perevode: istoriya i teoriya s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [Science of Translation: History and Theory from Ancient Times to Our Days]. Moscow, Flinta Publ., Moscow Psychological and Social Institute Publ., 2006. 416 p. (In Russ.)
11. Sakharov V. I. The Shape of Time. In: *Russkaya romanticheskaya povest'* [Russian Romantic Short Novel (Povest')]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1980, pp. 5–40. (In Russ.)
12. Eberman V. A. Arabs and Persians in Russian Poetry. In: *Vostok: zhurnal literatury, nauki i iskusstva* [East: Journal of Literature, Science and Art]. Moscow, Peterburg, Vsemirnaya literatura Publ., 1923, book 3, pp. 108–125. Available at: http://www.orientalstudies.ru/rus/images/pdf/journals/vostok_3_1923_10_ebermann.pdf (accessed on November 10, 2022). (In Russ.)
13. Al-Hamdānī Abū Muḥammad al-Ḥasan. *Ṣīfat ḡazīrat al-'arab. Al-Hamdānī's Geographie der arabischen Halbinsel* [Al-Hamdani's Geography of the Arabian Peninsula]. Leiden, E. J. Brill Publ., 1884. 700 p. (In Arabic and German)

14. Al-İşfahānī Abū al-Farağ. *Kitāb al-Ağānī* [“The Book of Songs”]. Bayrūt, Dār šādir Publ., 2008. Al-Muğallad 21. 284 p. (In Arabic)
15. Ambroziak D. “Každy baron ma swojā fantazje”: Józef Sękowski, Polak z pochodzenia, Rosjanin z wyboru [“Every Baron Has His Own Fantasy”: Osip Senkovsky, Polish by Origin, Russian by Choice]. Opole, The University of Opole Publ., 2007. 168 p. (Ser.: Studies and Monographs; no. 391.) (In Polish)
16. Arazi A. Al-Shanfarā. In: *The Encyclopaedia of Islam: in 12 Vols.* 2nd ed. Leiden, E. J. Brill Publ., 1997, vol. 9, pp. 301–303. (In English)
17. Blachère R. *Histoire de la littérature arabe des origines à la fin du XVe siècle de J.-C.* [A History of Arabic Literature from Its Origins to the End of the 15th Century AD]. Paris, J. Maisonneuve Publ., 1990, vol. 2, pp. 187–453. (In French)
18. Chabbi J. ‘Zamzam’. In: *The Encyclopaedia of Islam: in 12 Vols.* 2nd ed. Leiden, E. J. Brill Publ., 2002, vol. 11, pp. 440–442. (In English)
19. Gardet L. ‘Allāh’. In: *The Encyclopaedia of Islam: in 12 Vols.* 2nd ed. Leiden, E. J. Brill Publ., 1986, vol. 1, pp. 406–417. (In English)
20. Gelder G. J. H., van. ‘Al-Shanfarā (d. c. 550)’. In: *Encyclopedia of Arabic Literature: in 2 Vols.* London, New York, Routledge Publ., 1998, vol. 2, pp. 703–704. (In English)
21. Jacob G. *Schanfarā-Studien [Shanfarā Studies]*. Munich, Bavarian Academy of Sciences Publ., 1914, part 1: The Vocabulary of the Lāmija with Translation and Attached Text. 104 p. Available at: <http://publikationen.badw.de/de/003837648/pdf/CC%20BY> (accessed on November 10, 2022). (In German and Arabic)
22. Jacob G. *Schanfarā-Studien [Shanfarā Studies]*. Munich, Bavarian Academy of Sciences Publ., 1915, part 2: Parallels and Commentary on the Lāmija, Schanfarā Bibliography. 60 p. Available at: <http://publikationen.badw.de/de/003837650/pdf/CC%20BY> (accessed on November 10, 2022). (In German and Arabic)
23. Monroe J. T. Oral Composition in Pre-Islamic Poetry. In: *Journal of Arabic Literature*, 1972, vol. 3, pp. 1–53. (In English)
24. Pedrotti L. *Józef Julian Sękowski. The Genesis of a Literary Alien*. Berkeley, Los Angeles, University of California Press Publ., 1965. 226 p. (In English)
25. Sacy S. A. I., de. *Chrestomathie arabe, ou, Extraits de divers écrivains arabes, tant en prose qu'en vers: à l'usage des élèves de l'École spéciale des langues orientales vivantes [Arab Chrestomathie, or Extracts from Various Arab Writers, Both in Prose and Verse: for the Use of the Students of the Special School of Living Oriental Languages]*. Paris, Imprimerie royale Publ., 1806, vol. 1: Containing Arabic Text. 587 p. (In Arabic and French) (a)
26. Sacy S. A. I., de. *Chrestomathie arabe, ou, Extraits de divers écrivains arabes, tant en prose qu'en vers: à l'usage des élèves de l'École spéciale des langues orientales vivantes [Arab Chrestomathie, or Extracts from Various Arab Writers, Both in Prose and Verse: for the Use of the Students of the Special School of Living Oriental Languages]*. Paris, Imprimerie royale Publ., 1806, vol. 3: Second Part of the Translation. 588 p. (In Arabic and French) (b)

27. Sacy S. A. I., de. *Chrestomathie arabe, ou, Extraits de divers écrivains arabes, tant en prose qu'en vers: à l'usage des élèves de l'École spéciale des langues orientales vivantes* [*Arab Chrestomathie, or Extracts from Various Arab Writers, Both in Prose and Verse: for the Use of the Students of the Special School of Living Oriental Languages*]. 2nd ed. Paris, Imprimerie royale Publ., 1826, vol. 2. 760 p. Available at: <http://archive.org/details/chrestomathiear00sacygoog/page/n731/mode/2up> (accessed on November 10, 2022). (In French and Arabic)
28. Segel H. B. Słowacki's "Arabic" Poems, 1828–1830. In: *The Polish Review*, 1963, vol. 8, no. 2 (Spring), pp. 38–54. (In English)
29. Sells M. Shanfarā's Lamiyya: A New Version. In: *Al-'Arabiyya*, 1983, vol. 16, no. 1/2 (Spring & Autumn), pp. 5–25. (In English)
30. Serikoff N. Thinking in a Different Language: the Orientalist Senkovskii and 'Orientalism'. In: *Acta Orientalia Vilnensia*, 2009, vol. 10, no. 1–2, pp. 111–124. DOI: 10.15388/AOV.2009.3668. (In English)
31. Siwiec P. "Szanfary" raz jeszcze o przekładach Adama Mickiewicza i Ludwika Spitznagla ["Szanfary" Once Again on Adam Mickiewicz and Ludwik Spitznagel's Translations]. In: *Pamiętnik Literacki* [*Literary Diary*], 2014, vol. 105, no. 2, pp. 21–45. Available at: <https://docplayer.pl/50548272-Pawel-siwiec-szanfary-raz-jeszcze-o-przekladach-adama-mickiewicza-i-ludwika-spitznagla.html> (accessed on November 10, 2022). (In Polish)
32. Stetkevych S. P. Archetype and Attribution in Early Arabic Poetry: al-Shanfarā and the Lāmiyyat al-'Arab. In: *International Journal of Middle East Studies*, 1986, vol. 18, issue 3 (August), pp. 361–390. DOI:10.1017/S0020743800030518. (In English)
33. Wensinck A. J., Jomier J. 'Ka'ba'. In: *The Encyclopaedia of Islam: in 12 Vols.* 2nd Edition. Leiden, E. J. Brill Publ., 1997, vol. 4, pp. 317–322. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Садыхова Арзу Ахмедовна, доктор филологических наук, профессор, институт ориенталистики, факультет нефилологии, Университет им. А. Мицкевича в Познани (al. Niepodległości, 24, г. Познань, Республика Польша, 61-714); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2876-5123>; e-mail: sadykhova.arzu@yandex.ru.

Arzu A. Sadykhova, Dr hab. (Philology), Professor, Institute of Oriental Studies, Faculty of Modern Languages and Literatures, Adam Mickiewicz University in Poznań (al. Niepodległości 24, Poznań, 61-714, Republic of Poland); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2876-5123>; e-mail: sadykhova.arzu@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 11.11.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.12.2022

Принята к публикации / Accepted 30.12.2022

Дата публикации / Date of publication 14.02.2023